

Часть 3. Люди

ГЛАВА 7. РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ: КОНЕЦ ПОЛИТЭКОНОМИИ?

Введение

У страстной и порой неистовой Розы Люксембург много социальных ролей: революционер, партийный лидер и журналист, агитатор и пропагандист, ученый, марксист и т.п. Например, в предисловии Г. Малецкого и Ш. Дволайцкого к первому тому «Избранных сочинений» Люксембург, изданных в Москве в 1928 г., сказано, что Роза Люксембург — великая революционерка, которая сыграла выдающуюся роль в истории рабочего движения Германии и Польши, громадную роль во II Интернационале, «ее неутомимая борьба с реформизмом и оппортунизмом всяких толков, ее блестящий литературный талант, глубокое понимание марксизма, громадные знания, самоотверженная служба делу пролетариата, героическая жизнь и трагическая кончина» делают из Розы Люксембург одну из самых привлекательных фигур в истории революционного движения. «Сочинения Розы Люксембург должны быть настольной книгой, ибо, как всякий выдающийся ум, Роза Люксембург не перестает быть поучительной даже в своих ошибках» (1, с. 9)²⁶⁷. О, эти «ошибки» Розы Люксембург, которые уже почти 100 лет жуют разные интеллектуалы Европы и Америки. Любопытно и даже непонятно, как с течением времени, и чем дальше — тем больше, Роза Люксембург превратилась в интеллектуальную звезду эпохи несмотря на ее «ошибки» и даже «люксембургизм»²⁶⁸. И еще

²⁶⁷ Здесь и далее указания на работы Розы Люксембург, в том числе предисловия и послесловия к ним, даются в тексте в таком порядке: (№ работы по списку в конце главы и страница этой работы).

²⁶⁸ «Люксембургизм» — любопытный и красиво звучащий термин, пущенный в оборот, видимо, Г. Зиновьевым, который в устах «марксистов-ленинцев», т.е. сталинистов получил уничижительный смысл. Й. Шютрумф удачно замечает, что «люксембургизм» можно переводить как «мягкий троцкизм» (См.: Роза Люксембург: «...смело, уверено и улыбаясь — несмотря ни на что...». — М.: Изд-во им. Сабашиных, 2009. С. 61).

более непонятно, что ее интеллектуальное величие зиждется главным образом на ее «ошибках», анализу которых посвятили многие страницы лучшие умы XX века.

Даже Г. Лукач в предисловии 1922 г. к своей бесподобной книге «История и классовое сознание» пишет: «Идейное направление Розы Люксембург было определяющим в области теории и отчасти остается таковым и сегодня — и с его плодотворными выводами, и с его ошибками. Всякий, кто из этого исходит, должен понять, что подлинно коммунистическая, революционная, марксистская позиция может быть завоевана лишь путем критического размежевания с теоретическими трудами Розы Люксембург»²⁶⁹. Странная ситуация получается. Оказывается, что концепция Розы Люксембург и неревolutionная, и не коммунистическая, и немарксистская. Зачем же тогда изучать ее теоретические труды? И как согласовать эти слова Лукача с его же следующими словами: «По моему мнению, Роза Люксембург была единственным учеником Маркса, кто действительно продолжил его жизненный труд как в содержательно-экономическом, так и в методологическо-политическом смысле...». И эти полные смысла замечательные слова написаны Лукачем в той же самой работе, на той же странице и в начале того же самого абзаца. Т.е. по Лукачу получается, что Роза Люксембург — единственный ученик Маркса, продолживший его жизненный труд, но от ее работ надо отмежеваться, чтобы завоевать марксистскую позицию. Как все это прикажете понимать? Вот вам великий Лукач, перед которым расшаркивается половина интеллектуальной Европы. Да и сам Лукач во многих местах очень близок к этой самой концепции Люксембург, т.е. к «люксембургизму». Известный биограф Розы Люксембург Дж. Неттл небезосновательно замечает, что в книге Лукача «История и классовое сознание» «люксембургизм впервые появляется как система»²⁷⁰.

Итак, Роза Люксембург. Напомним хотя бы вкратце основные вехи ее биографии. Родилась Роза Люксембург в 1871 г. в г. Замостье в Польше, тогда еще в границах Российской империи. Отсюда хотя бы по формальным признакам ее можно рассматривать и как представителя российской экономической мысли. Но русский язык и русскую культуру она знала превосходно. В 1889 г. эмигрировала в Швейцарию, где в 1897 г. закончила университет в Цюрихе. Затем партийная и общественная

²⁶⁹ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. — М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 99.

²⁷⁰ Цит. по: Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). — СПб.–М., 2004. С. 182.

деятельность в Германии, в составе социал-демократической партии. С начала Первой мировой войны решительно выступила против шовинистической политики партийного руководства, а в 1918 г. была среди основателей Коммунистической партии Германии. 15 января 1919 г. была убита вместе с К. Либхнемом. Вот краткие вехи этой короткой и героической жизни. Добавим сюда характеристику Л. Троцкого личности Розы Люксембург: «Маленького роста и хрупкого сложения, она возвышалась на трибуне... как, воплощенная мысль пролетарской революции»²⁷¹. Точнее не скажешь! Ибо личность Розы Люксембург — это и есть «воплощенная мысль» революции, но для нашего случая, лучше сказать, политической экономии.

Роза Люксембург как политэконом

Об «ошибках» Розы Люксембург поговорим потом, но в настоящем тексте она предстанет, прежде всего и исключительно, как политэконом. Несмотря на обильную литературу на всех языках читающего мира, посвященную Розе Люксембург, анализ ее политэкономических взглядов встречается крайне редко. К сегодняшнему дню прошло более 100 лет, как появились фундаментальные политэкономические сочинения Люксембург, в которых множество людей и множество раз находили разные умные мысли и «ошибки». Но удивительное дело, до сих пор, как справедливо замечает О. Любан, «нет основательного обобщающего труда о ее взглядах на политэкономия»²⁷². Роза Люксембург была не только пламенным революционером, но и холодным политэкономом. Скажем больше, сегодня трудно утверждать, что более для истории ценно: Роза как революционер или Люксембург как политэконом. Вклад ее в развитие политической экономии очень существенный, и как уже отмечалось, до сих пор оценен плохо или никак. Это не только ее книги «Накопление капитала» или «Введение в политическую экономию», но прежде всего глубина проникновения в суть рассматриваемых вопросов в самых различных ее публикациях и выступлениях. Чего, например, стоит ее следующее очень точное и глубокое наблюдение: «Как неправдоподобно это ни звучит, несомненно, однако, что большинство специалистов по политической экономии имеет весьма туманное представление о действительном предмете своих ученых изысканий» (4, с. 27).

²⁷¹ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. С. 82.

²⁷² Любан О. Научные публикации о Розе Люксембург в Германии после 1990 г. (Проблемы и тенденции). // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). — М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 42.

Здесь нет возможности подробно освещать этот вопрос, но ведь действительно, до сих пор нет толкового разъяснения исчезновения политической экономии не только в постсоветской России, но и в англоязычной литературе. Причем специалисты там и тут почему-то остались. Или вот еще: «Современные буржуазные ученые под видом политической экономии преподают бесформенный винегрет из обрывков всевозможных научных мыслей и тенденциозных заблуждений» (Там же, с. 104). И это действительно так. Сегодня название «политическая экономия» выбросили, но винегрет и тенденциозные заблуждения остались.

Еще интересная и острая мысль Люксембург касается истории политической экономии и, в частности, немецкой исторической школы, которая у некоторых наших авторов вызывает восхищение. В статье с любопытным названием «В совете ученых», напечатанной в 1903/04 г. в журнале «Neue Zeit» она пишет: «Если Италия была колыбелью меркантильной системы, Франция создала свою школу физиократов, Англия — классико-политическую экономию, а Германии суждено было породить теперь свою «историческую школу», то все это произошло не случайно» (1, с. 251). Простая и понятная классификация. Сегодня Люксембург, наверное, написала бы об «экономиксе» как продукте умственного творчества ученых США, а вот что бы она написала о России? О немецкой исторической школе она пишет очень ехидно, что эта школа «поставила себе принципом накоплять с муравьиным трудолюбием целые горы «фактического» хлама и «исторических» отбросов, чтобы под ними счастливо укрыть и упрятать общие законы движения буржуазного общества» (1, с. 215). Очень точно сказано. Немецкая историческая школа грешила непомерным эмпиризмом и крохоборчеством, а ее наследники у нас развили целое консервативно-почвенническое направление в политической экономии. Ключевым звеном этого направления стал «цивилизационный подход», где каждая цивилизация (а, порой, и страна) обладает своими собственными экономическими законами.

Вернемся, однако, к политэкономическим текстам Люксембург. Так она очень точно и самобытно характеризует такую политэкономическую категорию как кредит и его роль в капиталистической экономике. Она пишет: «Одним словом, кредит воспроизводит все основные противоречия капиталистического мира, доводит их до высшей точки, он ускоряет шаги, какими мир этот движется навстречу собственному уничтожению — крушению. Для капитализма лучшим средством приспособления в отношении кредита было бы полное его уничтожение, отмена кредита» (1, с. 51). Действительно, недавний экономический

кризис в 2008–2009 гг. был спровоцирован в основном неблагоприятным в ипотечном кредитовании и существенно затронул главные страны капиталистического мира. Вот, если бы не было кредита, то не было бы и формального повода для экономических кризисов. Но возможен ли капитализм без кредита? Такого не было, нет и вероятно быть не может. Значит, не может быть и капитализма без кризисов. Более того, кризисы по Розе Люксембург не помеха или недостаток капитализма, а «живая вода» для него. «Если признавать установленным тот факт, — пишет Люксембург, — что, выражаясь кратко, кризисы составляют единственно возможный на капиталистическом базисе, а потому вполне нормальный метод периодически разрешать столкновения между неограниченной расширяемостью производства и узкими пределами рынка сбыта, то кризисы надо считать неотделимыми, органическими явлениями капиталистического хозяйства в целом» (1, с. 74). Иными словами, бороться с кризисами означает бороться с капитализмом. Но этим, однако, занимаются все правительства ведущих капиталистических стран. Странно! Действительно ли правительства борются с кризисами или только делают вид, что борются?

Приведем еще одно политэкономическое положение Люксембург, которое по точности и интеллектуальной виртуозности можно отнести к золотому фонду политэкономических афоризмов. Она пишет: «Открытый Марксом абстрактный человеческий труд в своей развитой форме не что иное, как деньги» (1, с. 82–83). Здесь в очень емкой фразе, без лишних слов действительно передается самая глубинная сущность денег. Ибо деньги есть показатель, знак или символ отношений стоимости, т.е. особого социального отношения между людьми в рыночной экономике. Однако в современном товарно–капиталистическом хозяйстве деньги перестали размениваться на золото, т.е. оторвались от своей объективной основы и перестали быть символом абстрактного труда. Теперь они лишь символ политического соглашения в обществе между гражданами и правительством, которое просто печатает бумажки (т.е. деньги) по своему усмотрению. Тем самым, подрывается объективный механизм существования и развития товарно–капиталистического хозяйства. И как мы видим в последнее время современные экономические кризисы — это не кризисы сбыта, перепроизводства товаров, а кризисы перепроизводства пустых, ничем не обеспеченных денег. Чтобы читатель не подумал, что это лишь мои личные ощущения о современном капитализме и его деньгах, так сказать, субъективное и тенденциозное представление, приведу мнение лауреата Нобелевской премии

по экономике П. Самуэльсона: «Все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности»²⁷³. Жаль, что сегодня нет Розы Люксембург, которая умела в немногих словах объяснить суть происходящего.

Люксембург достаточно точно определила границы и специфику политической экономии. Вопрос этот имеет определенную историю. О конце политической экономии в российской экономической науке много писали в 1920–х гг., вслед за немецкими социал–демократами, о чем уже говорилось в 1 главе. Об этом писали В. Зомбарт, Р. Гильфердинг и др. Последний, в частности, вывел формулу, которую можно представить так: «Политическая экономия есть самосознание буржуазного общества». В этом же ключе размышляла и Роза Люксембург. «Политическая экономия, — писала Люксембург, — стала средством самоопределения и формулировкой классового сознания буржуазии, и в качестве таковой она дала толчок к революционным действиям. Идеи классической политической экономии вплоть до самых бледных эпигонов этого направления стали впоследствии знаменем народившегося и укрепившегося буржуазного строя Европы» (4, с. 97). Данная формулировка поразительно похожа на то, что и как сказал Гильфердинг. Конечно, взгляд, согласно которому политическая экономия изучает товарно–капиталистическое хозяйство, в те времена, видимо, разделяло подавляющее число марксистов. Но обращает на себя внимание, что тексты Гильфердинга и Люксембург очень близки. Вообще у них много общего. Они вместе состояли в немецкой социал–демократической партии, вместе преподавали политическую экономию в партийной школе в Берлине (точнее, Роза Люксембург преподавала вслед за Гильфердингом), по теоретическому резонансу в литературе они, можно сказать, равны. Но Роза Люксембург была на 7 лет старше Гильфердинга. Кто на кого влиял, кому принадлежит приоритет в вышеприведенной формулировке? Это стоило бы выяснить. О несомненном влиянии Люксембург как теоретика даже на выдающихся деятелей марксизма есть ряд свидетельств. Так, Л.Д. Троцкий, общаясь в 1907 г. с Карлом Каутским, констатирует: «Влияние Люксембург на Каутского было в этот период очень велико». Более того, Троцкий делает и более общий вывод: «Силою теоретической мысли, способностью

²⁷³ Самуэльсон П.Э., Нордхауз В.Д. Экономика. 16–е изд. — М.: Изд–кий дом «Вильямс», 2005. С. 425.

обобщения Роза Люксембург на целую голову превосходила не только противников, но и соратников»²⁷⁴.

Роза Люксембург в этот же период и, возможно, одна из первых достаточно четко сформулировала вывод о конце политической экономии. «В марксистской теории, — пишет она, — политическая экономия нашла свое завершение и свой конец как наука... Конец политической экономии как науки означает, таким образом, всемирно-историческое событие: претворение в действительность планомерно организованного мирового хозяйства. Последняя глава политико-экономического учения — это социальная революция мирового пролетариата» (4, с. 103). И вот после «пролетарской революции» 1917 г. в СССР не сразу, но почему-то вернули политэкономиию.

В связи с этой ситуацией возникает ряд вопросов. Известно, что в СССР была политическая экономия и даже политическая экономия социализма и в тоже время говорили, что в СССР была победа рабочего класса, и был осуществлен социализм, даже «развитой социализм». Значит ли это, что все политэкономические упражнения Люксембург, в том числе и это, были неправильны и ничего не стоят? Так примерно и отвечали в советский период. Например, советский профессор И.Д. Лаптев в предисловие к книге Люксембург «Введение в политическую экономиию» писал: «Ошибочные воззрения Розы Люксембург по ряду теоретических вопросов политической экономии не могли не отразиться на ее политической деятельности... Система ошибочных теоретических и политических воззрений Розы Люксембург квалифицировалась марксистами-ленинцами как «люксембургизм», являющееся отступлением от марксизма-ленинизма» (4, с. 24). Это мнение, высказанное в 1960 г. одним из самых догматичных советских экономистов, очень точно передает смысл советского официального отношения к теоретическому наследию Розы Люксембург. А вот мнение другого исследователя, высказанное на 6 лет позже, но которое объективно отражает современную оценку творческого наследия Розы Люксембург: «Национальный вопрос, — пишет Ханна Аренд, — единственная тема, по поводу которой Розу Люксембург можно упрекнуть в самообмане и нежелании смотреть фактам в лицо»²⁷⁵. Хотя и в этом вопросе по большому счету Роза Люксембург была права. Если пользоваться терминологией тех лет, то не очень понятно — от кого и для чего будет отделяться пролетариат, ища

²⁷⁴ Троицкий Л.Д. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. С. 52, 82.

²⁷⁵ Аренд Х. Люди в темные времена. — М., 2003. С. 54.

национальное самоопределение. Эксплуатируемый класс готов отделиться от своих эксплуататоров, но не от людей другой национальности или веры. Почитаем саму Розу Люксембург по этому вопросу: «Ничто не имеет столь решающего значения для всего уклада жизни, как резкое противоречие между все возрастающей экономической общностью, связывающей народы и страны в одно общее целое, и политической государственной надстройкой, которая посредством пограничных столбов, таможенных рогаток и милитаризма стремится искусственно разъединить народы на множество чужих и враждебных частей» (4, с. 70). Любопытно, что советский официоз, издавая работу Люксембург в 1960 г., но это место не обратил внимания и оставил без комментариев. Хотя здесь Роза Люксембург совершенно недвусмысленно доказывает противоречивость и искусственность лозунга о «праве наций на самоопределение». Национальное самоопределение — это императив буржуазного общества, лозунг буржуазной революции. Ведь только после Великой французской революции 1789 г. вместо императора появились национальное собрание, национальная гвардия, национальная библиотека и т.д. В вопросе о праве наций на самоопределение Роза Люксембург с точки зрения марксизма, да и с общечеловеческой точки зрения, была права, оставалась последовательным марксистом.

Другое дело, что в буржуазную эпоху, когда борьба за национальную независимость совпадала со стремлением к освобождению народов от иноземного гнета, отрицание лозунга о праве наций на самоопределение дезориентировало народные массы в борьбе за свободу вообще. Национальная независимость, являясь по своей сути буржуазным императивом, есть необходимый и неизбежный этап на пути к освобождению человечества. Многие политики, критикующие Розу Люксембург по национальному вопросу, исходят из прагматической необходимости политических действий в буржуазную эпоху. И в этом смысле они правы. Но теоретически Роза Люксембург как последовательный социалист и марксист была права. К сожалению, она жила и действовала в буржуазном мире. А в некоторых странах в начале XX века, как, например, Россия, достижение буржуазных ценностей (свобода, демократия, гласность и т.д.) было еще очень далекой перспективой.

Дебаты о ревизионизме

Возможно, первым, чем прославилась Роза Люксембург и так сказать, сделала себе имя в социал-демократическом движении и литературе, это были ее выступления, направленные против ревизионизма Эдуарда

Бернштейна, которые потом вошли в брошюру «Социальная реформа или революция?». Бернштейн в своих статьях в немецком социал-демократическом журнале «Neue Zeit» подверг ревизии некоторые догмы марксизма, имевшие популярность в интерпретации К. Каутского. И писал, что капитализм имеет еще мощные основы для своего развития и преодоления противоречий, а социал-демократическая партия должна превратиться в партию реформ, постепенно видоизменяя формы и учреждения буржуазного государства в интересах трудящихся слоев. «Феодализм, — писал Бернштейн, — с его окаменелостями, застывшими учреждениями можно было ниспровергнуть только силой. Между либеральными учреждениями современного общества и ими разница в том, что первые гибки, поддаются изменениям и способны к развитию. Их незачем ниспровергать, их следует только развивать. Для этого необходима организация и энергичная деятельность, и нет нужды в революционной диктатуре»²⁷⁶. Профессиональная и политическая борьба за социальные реформы, считал Бернштейн, приведут к постепенному расширению общественного контроля над условиями производства и путем законодательного ограничения прав владельца капитала, «низведут его к роли управляющего». Таким образом, делает вывод Бернштейн, «помышлять о том, что в скором времени удастся перейти от буржуазного общества к обществу коммунистическому с иной физиономией хозяйства и иной психологией человека, — значит предаваться безусловно утопической фантазии... Социальная реорганизация произойдет по типу медленного и постепенного органического развития»²⁷⁷. Или, как ехидно замечала Роза Люксембург, «введение социализма по кусочкам в буржуазный строй» (2, с. 10). Эти взгляды Бернштейна далеко не всем социал-демократам понравились. Но сегодня надо честно признать, что Бернштейн оказался прав. За более чем 100 лет после этих слов так и не появилось общества с «коммунистической физиономией хозяйства». Но эволюция, проделанная европейскими странами, в первую очередь под давлением классовой борьбы, которую возглавили социал-демократические партии, оказалась весьма существенной.

Таким образом, в конце XIX века в немецкой (и не только в немецкой) социалистической печати, а также и на съездах партии, развернулась дискуссия между сторонниками эволюционного пути достижения социалистического общества (путем реформ) и сторонниками револю-

²⁷⁶ Бернштейн Эд. Социальные проблемы. — М., 1901. С. 234.

²⁷⁷ Бернштейн Эд. Теория и практика современной социал-демократии. — СПб.: Изд-во «Мысль», 1906. С. 46–47.

ционного пути (социальная революция). Роза Люксембург в полемике с Бернштейном, не отрицая значения реформ, в первую очередь упор делала на революционный путь развития. Сильная сторона позиции Розы Люксембург состояла в аргументации и научно-методологическом аспекте ее логических доводов. Хотя практически Бернштейн оказался прав, Роза Люксембург привела настолько глубокие научные аргументы, что ее логическая конструкция весьма интересна и сегодня. Люксембург на голову была выше Бернштейна как теоретик. По всем основным пунктам высказываний Бернштейна Роза Люксембург выставила свои возражения и опровержения.

В самом начале Роза Люксембург справедливо указывает, что реформу и революцию нельзя противопоставлять, одно переходит в другое. Однако же противопоставила, что видно уже из названия ее брошюры «Социальные реформы или революция». Суть спора («дебатов о ревизионизме») сводился к тому, что Бернштейн пропагандировал эволюционный марксизм, а Роза Люксембург продолжала отстаивать революционный марксизм. Так считает большинство исследователей этого вопроса. Хотя, откровенно говоря, позиция Люксембург была глубже, сложнее и, если угодно, противоречивее. Так, говоря о революции Роза Люксембург писала: «Отнюдь не следует представлять себе революцию только под видом вил и кровавой борьбы. Революция может протекать также и в культурных формах, и как раз пролетарская революция больше всякой другой может на это рассчитывать; мы меньше всех хотим прибегать к насилию, меньше всех жаждем грубой революции» (1, с. 195).

И вот общее представление Розы Люксембург о социализме: «Как известно, научное обоснование социализма опирается на три основных факта капиталистического развития: прежде всего, на растущую анархию капиталистического хозяйства, которая делает неизбежной его гибель, во-вторых, на прогрессирующее обобществление производственного процесса, которое создает положительные зачатки будущего социального строя, и, в-третьих, на растущую организованность и классовое сознание пролетариата, которые составляют активный фактор предстоящего переворота» (1, с. 46–47). По мнению Розы Люксембург Бернштейн «устраняет первый из названных устоев научного социализма» и тем самым «отрицает не только определенную форму гибели капитализма, но и саму эту гибель» (Там же, с. 47). Вот тут уже содержится зародыш, и очень спорный зародыш, теории Розы Люксембург. Она специально подчеркивала, что «крушение буржуазного общества является краеугольным камнем научного социализма» (1, с. 102).

Это, конечно, верно. В крушении или преодолении капитализма должны сойтись две силы. С одной стороны, объективный ход экономического развития, делающий невозможность дальнейшего существования капитализма без каких-либо модификаций. С другой стороны, социальные силы, которые готовы осуществить эти радикальные модификации. Но вопросы остаются.

Если сама анархия капиталистического производства делает неизбежным гибель капитализма, то зачем «прогрессирующее обобществление производственного процесса» и тем более «классовое сознание пролетариата»? Капитализм и так погибнет. Бернштейн же снимая первый тезис (автоматическое крушение капитализма), как раз подчеркивал роль и значение социал-демократической партии, ее просветительскую, организационную и политическую работу. Тем самым, Бернштейн обосновывал реальную борьбу в реальных условиях за переделывание (реформирование) капитализма. Кстати сказать, в современной литературе отмечается, что «Бернштейн в конечном счете лишь высказал то, что и без него думали, но не признавали публично многие социал-демократические парламентарии и в еще большей степени лидеры профсоюзов»²⁷⁸. Сегодня же в социал-демократической литературе считается общепризнанным, что не революционный, а реформистский путь позволил европейской социал-демократии превратиться в мощную политическую силу современности. Один из ведущих теоретиков немецкой социал-демократической партии В. Айхлер писал так: «Социал-демократы ценой неслыханно тяжелых жертв в ходе борьбы добились многих побед и потерпели много поражений; они не осуществили революцию, которой ждал Маркс, но своей борьбой они начали процесс, который в конечном итоге эволюционным путем революционизировал экономику и общество»²⁷⁹. Более того, можно сказать, что современная социал-демократия (по крайней мере, немецкая) взяла как практический императив пресловутый лозунг Бернштейна: «движение — все, цель — ничего». С принятием в 1959 г. Годесбергской программы, пишут официальные историографы СДПГ, «социализм означал для социал-демократов не теоретически обоснованную общественную и экономическую систему, но «постоянную задачу» выступать с помо-

²⁷⁸ Шютрумф Й. Между любовью и гневом: Роза Люксембург // Роза Люксембург: «... смело, уверено и улыбаясь — несмотря ни на что...». — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009. С. 32.

²⁷⁹ Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды. — М.: ИВФ Антал, 1996. С. 151.

щью всех подходящих, соответствующих времени средств за свободу, справедливость и солидарность»²⁸⁰. Конечно, одно другому не противоречит. Свобода, справедливость и солидарность — это и есть общественная система, которую можно назвать социализмом.

Внимательное чтение работы Розы Люксембург «Социальная реформа или революция?» обнаруживает некоторые положения очень близкие к ревизии Бернштейна. Например, она пишет: «Повседневная практическая борьба за социальные реформы, за улучшение положения трудящихся в рамках существующего строя, борьба за демократические учреждения, вот единственный способ, которым социал-демократия может вести пролетарскую классовую борьбу и идти к конечной цели — к захвату политической власти и упразднению системы наемного труда» (1, с. 42). Здесь важно подчеркнуть слова — в «рамках существующего строя». А эта формула явно реформистского порядка. Один из активных сподвижников Бернштейна по ревизионистскому цеху в немецкой социал-демократической партии Г. Фольмар в своих речах акцентировал проведение политических реформ «на почве существующего государственного и общественного строя»²⁸¹. Конечно, Роза Люксембург не предлагала рабочему классу вечно оставаться в рамках буржуазного общества, но ведь она прямо пишет о «социальных реформах», которые лишь в конечном счете приведут к «устранению системы наемного труда». В другом месте она даже пишет так: «Наша политика может и должна стремиться лишь к тому, что при данных условиях возможно» (1, с. 111). Это явно реформистский путь достижения социалистического общества. Но это — умный реформизм.

Еще немного о реформистском уклоне Розы Люксембург. Так, в ряде мест она пишет не об абсолютном обнищании рабочего класса, на что напирала сторонники революционного марксизма, а об относительном обнищании. «Только анархисты спекулируют на обнищании масс, — пишет Люксембург, — Исходной точкой агитации является для социал-демократии не абсолютное обнищание рабочего класса, а относительное сокращение его доли в созданном им общественном богатстве, при чем это сокращение может идти и фактически идет рука об руку с абсолютным повышением жизненного уровня» (1, с. 169). Здесь внутри самой Розы Люксембург политэконом взял верх над рево-

²⁸⁰ Миллер С., Поттхофф Х. Краткая история СДПГ. 1848–1990. — М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 285.

²⁸¹ Цит. по: Миллер С., Поттхофф Х. Краткая история СДПГ. 1848–1990. — М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 61.

люционером. За такой ход мысли в советской литературе ее жестко критиковали. Тезис об абсолютном обнищании пролетариата был догмой советской идеологии, ничего общего не имевшей с реальной действительностью капиталистического мира уже с конца XIX века. И Роза Люксембург была права, когда вслед за Бернштейном обратила на это внимание. Хотя первым это заметил еще Ф. Энгельс. В 1891 г. Энгельс, рассматривая проект программы Социал-демократической партии Германии и наткнувшись на фразу проекта «нищета пролетариев все больше возрастает», заметил: «В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это не верно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты»²⁸². Вообще, поздний Энгельс дал много для упражнений Бернштейна.

Но здесь интересно другое. Роза Люксембург пишет, что социал-демократия борется за улучшения положения рабочего класса: «Для социал-демократии базисом служит всегда подъем рабочего класса, улучшение его положения» (1, с. 169). Это основа социал-демократической практики. И вполне мыслима ситуация, когда рабочий класс добивается впечатляющих результатов в улучшении своего материального положения в рамках буржуазного общества. Это явно реформистский путь. И из него никак не вытекает теория крушения капитализма. Роза Люксембург же считает, что «материальное укрепление рабочего класса» будет способствовать его политической организованности и «подготавливать его к устранению капиталистического общества и водворению социализма путем политического и социального переворота» (1, с. 169–170). Возникает, однако, один капитальный вопрос. Зачем же рабочему классу устранять капитализм, если он и в нем может жить хорошо? Здесь имеется явное противоречие. Обычно революционные марксисты говорят, что существенное улучшение положения рабочего класса в капиталистическом обществе невозможно. Поэтому и нужен переворот (революция). Роза Люксембург же считает, что улучшение положения возможно, но переворот будет непременно, ибо сам капитализм содержит в себе такие внутренние противоречия, которые обеспечивают его автоматическое крушение. Сложная диалектика — но логика в такой постановке вопроса есть.

Таким образом, можно сделать следующий противоречивый вывод. С одной стороны, Роза Люксембург активно включилась в «дебаты»

²⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 6.

о ревизионизме и выступила одним из наиболее ярких и страстных противников Бернштейна. С другой стороны, сама в других словах и контекстах воспроизводила некоторые положения Бернштейна. Указания на совпадение некоторых позиций Люксембург и Бернштейна можно уже обнаружить в современной литературе.²⁸³ Притягательность концепции и позиции (можно даже сказать, учения) Розы Люксембург состоит в том, что она как-то органично соединила реформистский и революционный марксизм, неизбежный крах капитализма и созидательную роль партии рабочего класса. Такой подход с точки зрения педантов и начетчиков от марксизма может содержать «ошибки», но он интереснее и ближе к исторической правде и к самой сути марксизма.

Да, Роза Люксембург критиковала некоторые положения К. Маркса. И она сама об этом не раз писала: «Мои положения о накоплении покоятся на изложении Маркса и в то же время с ним критически расходятся...» (3, с. 372). В другом месте она призывала «выйти за рамки Маркса» (5, с. 209). Но ведь для нормального научного подхода критика — это нормально. И если Маркс гениальный ученый, то это совсем не значит, что также гениальна каждая его страница. Многие марксисты не раз отмечали противоречия, несогласованности и т.п. в текстах Маркса. Например, крупнейший российский политэконом и марксист И.И. Рубин, делая поистине виртуозный анализ теории стоимости Маркса, тем не менее отмечал, что в «Капитале» (особенно во 2 и 3 томах) «встречаются несогласованные места, терминологическая неясность и отдельные противоречия»²⁸⁴. Кстати сказать, И.И. Рубин в этом труде ставит Розу Люксембург как политэконома в один ряд с Плехановым, Каутским, Лениным и Гильфердингом.

Теория накопления капитала

Итак, книга «Накопления капитала». Это главная теория и книга Розы Люксембург, которая за 100 лет еще не прочитана как следует.²⁸⁵ Выделяя Розу Люксембург среди «100 великих экономистов до Кейнса», Марк Блауг писал о книге «Накопление капитала», что она «дала начало великому «расхождению во мнениях» среди немецких и австрийских марксистов о том, что подразумевалось под схемой воспроизводства

²⁸³ См.: *Кайзер Г.* Роза Люксембург и ее друзья (Коллоквиум в Берлине). // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). — М.: Памятники исторической мысли, 2004. С.120.

²⁸⁴ *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 234.

²⁸⁵ Предисловие автора к «Теории накопления» подписано декабрем 1912 г.

Маркса»²⁸⁶. Добавим, что эта дискуссия сегодня охватила не только немецкоговорящих экономистов и не только марксистов, но и всех, кто задумывается о перспективах капитализма.²⁸⁷

Суть теории накопления капитала Розы Люксембург сводится к тому, что для существования капитализма нужны внешние рынки. Капитализм должен накапливать капитал и где-то реализовывать прибавочную стоимость. Накопленный капитал нужно инвестировать, и не куда-либо, а именно в некапиталистические зоны экономики (колонии, экономически отсталые страны, некапитализированный аграрный сектор и т.п.). Инвестиции капитала внутри капиталистического хозяйства, т.е. в пределах капиталистического класса, лишь перегоняют, как мячик, прибавочную стоимость от одного капиталиста к другому. Капитал в этих условиях перенакапливается в замкнутом пространстве и как сжатый пар без выхода может (или должен) разорвать капиталистическую оболочку. Дело не только в том, чтобы извлечь прибавочную стоимость, но и в том, чтобы ее реализовать. Собственно, это один и тот же процесс. Поэтому для Розы Люксембург «существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления» (3, с. 256). Таким образом, «решение проблемы в духе марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде; оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» (Там же, с. 257). Из этого положения можно сделать несколько выводов, большинство из которых делали критики Розы Люксембург, но не она сама.

Первый. Главное в капитализме не только эксплуатация рабочего класса (хотя сама РЛ такого вывода не делала и, видимо, не могла делать), но и эксплуатация колоний и других отсталых территорий и обществ.

Второй. Капитализм жив и процветает в силу существования неэквивалентного обмена. Если же существует эквивалентный обмен, то капиталу негде реализовать прибавочную стоимость. Замкнутое капиталистическое общество существовать не может, ибо обмен внутри капиталистического производства эквивалентен (на основе равновесной цены), существует экономическое равновесие, а накапливаемую

²⁸⁶ Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. — СПб.: Экономическая школа, 2005. С. 182.

²⁸⁷ См.: McLellan G. *Marxism After Marx*. — Boston: Houghton Mifflin Company, 1981. P. 50–52.

прибавочную стоимость реализовать негде. Происходит перенакопление капитала.

Третий. Невозможность существования замкнутого капиталистического общества (или превращение всех стран в развитые капиталистические страны) ведет к автоматическому краху капитализма. Капитализм сам себе роет могилу.

Четвертый. Рабочий класс и социал-демократическая партия могут помочь вырыть могилу, но главное — это неспособность капитализма развиваться при капитализме. В противном случае капитализм может существовать вечно.

Пятый. Теория Розы Люксембург ставит под сомнение роль и значение прибавочной стоимости, роль рабочего движения и рабочей партии, солидаризируется (в некоторых пунктах) с неоклассическим направлением современной экономической теории и в целом с «обратной стороны» является ревизионистской.

Так, например, В. Мотылев в «Предисловии к четвертому изданию» книги «Накопление капитала» писал: «Если капитализм автоматически, механически, сам по себе идет к гибели, то роль пролетариата как могильщика буржуазного строя ступшевается. Раз буржуазный строй должен погибнуть сам по себе в силу автоматических процессов, то роль сознательной борьбы пролетариата не является решающей» (3, с. XXIII). Так считали и писали многие ее критики в то время. Но ведь сегодня мы можем сказать, что Роза Люксембург была значительно ближе к научной истине и исторической правде, чем ее критики.

В теории накопления капитала (или автоматического краха капитализма) Розы Люксембург имеются две противоречивые составляющие, которые до сих пор вызывают споры и дают некоторые основания для обвинения ее в ошибках. Откровенно говоря, тут до конца нет полной ясности. Первая составляющая — экономического порядка, вторая — общесоциологического.

Итак, первая. Если капитализм живет и развивается за счет эксплуатации колоний или некапиталистической периферии, то как понять утверждение Розы Люксембург, что там он реализует прибавочную стоимость. Кто-то ведь, должен оплачивать эту прибавочную стоимость. Колонии, покупая что-либо из капиталистической страны должны переплачивать за этот товар, т.е. оплачивать не только труд рабочих и других непосредственных участников производственного процесса, но и доставлять прибыль капиталисту. Более того, приходится покупать этот товар выше его стоимости, ибо рынки слабо капитализирован-

ных стран и территорий, как правило, сильно монополизированы. Но колонии намного беднее капиталистической страны и переплачивать в принципе не могут. Розу Люксембург можно понять так, что обмен между метрополией и колонией происходит не на основе эквивалентов, а за счет «ограбления» колоний. Т.е. метрополия продает туда товар выше стоимости, а покупает ниже. Но это опять же не реализация прибавочной стоимости, а ее получение. Значит, опять встает проблема реализации. К тому же, процесс «ограбления» колоний не может длиться вечно, когда-нибудь богатства колоний должны закончиться. А за последние 100 лет мы не можем констатировать массовые случаи банкротства именно колоний или слабо капитализированных территорий.

Вторая составляющая. Автоматическое крушение капитализма действительно ставит под сомнение решающую роль в этом процессе рабочего класса и его партии. Тут критики Розы Люксембург правы. Но с другой стороны, если отрицать формулу Розы Люксембург, то придется считать, что капитализм сам по себе тверд и бодр и не содержит никаких объективных причин для своей смерти. Тогда остается надеяться только на внешние причины насильственного его ниспровержения. Скажем, социал-демократическая партия убедит трудящиеся классы, что если она придет к власти, то жизнь их будет намного лучше, чем при вечно загнивающим капитализме. И произойдет социальная революция как внешнее ниспровержение капитализма. Однако формула Розы Люксембург более логична: капитализм сам по себе не может быть вечным, но нужен и его могильщик. И тут Роза Люксембург права. Такова диалектика противоречивой теории накопления капитала Розы Люксембург, которая, откровенно скажем, плохо освоена современной экономической наукой.

При всей невероятности для марксистского уха теории накопления и империализма Розы Люксембург, она получает некоторые подтверждения современной практикой. Особенно это становится ясно при анализе мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. «Этот кризис, — пишет Люфт Криста в полном соответствии с концепцией Розы Люксембург, — больше, чем банковский и экономический, это системный кризис. Капитализм демонстрирует свою неспособность решать обостряющиеся экономические, социальные, экологические проблемы человечества, проблемы его развития»²⁸⁸. И важно отметить,

²⁸⁸ Криста Л. Глобальный кризис капитализма и стратегия левых сил. // Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). Под ред. А.В. Бузгалина и П. Линке. — М.: Культурная революция, 2010. С. 155.

что этот кризис произошел не благодаря «стратегии левых сил», а почти обычно для позднего капитализма перенакоплению капитала. То есть, произошло то, о чем писала Роза Люксембург 100 лет назад.

Рабочий класс за XX столетие нигде не совершил социалистической революции, а, наоборот, в лице своих партий встраивается в буржуазное общество. Бернштейн писал по этому вопросу: «Несмотря на успехи в умственном, политическом и промышленном отношении, сделанные рабочим классом со времени появления трудов Маркса и Энгельса, я все-таки не считаю этот класс достаточно развитым для того, чтобы принять в свои руки политическую власть»²⁸⁹. Вообще говоря, сама Роза Люксембург даже критикуя Бернштейна, была не очень далека от именно такой позиции. Еще лучше и точнее написала Роза Люксембург об английском рабочем классе: «Английский рабочий в борьбе со своим предпринимателем встречает поддержку со стороны английского буржуазного общества, как член буржуазного общества, как буржуазный политик, буржуазный избиратель, и эта поддержка делает его и впредь верным членом этого общества» (1, с. 119). Правда, при этом Роза Люксембург считала, что немецкий рабочий класс в отличие от английского еще не утратил революционного потенциала в силу некоторого отставания германской промышленности от английской. В данном случае аргумент Люксембург явно слаб. Ибо нельзя объяснять революционность рабочего класса его отсталостью. Этим можно объяснить менее цивилизованные формы классовой борьбы, да и меньший эффект от самой этой борьбы. Здесь Роза Люксембург явно проигнорировала одно из фундаментальных положений марксизма, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». И даже прямые слова К. Маркса как бы непосредственно относящиеся к ней: «Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: De te fabula narrator! (не твоя ли это история!)»²⁹⁰. Эти слова из Предисловия к первому изданию «Капитала» и Роза Люксембург могла бы их запомнить, но вот фарисейски успокаивала себя и своих немецких читателей, что немецкий рабочий класс еще не столь обуржуазился как английский. Но жизнь вскорости исправила

²⁸⁹ Бернштейн Эд. Социальные проблемы. — М., 1901. С. 302.

²⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 6.

этот недостаток немецкой жизни. Есть объективный закон, что экономически более развитая страна создает более организованный, более культурный и более политически сознательный рабочий класс, который способен добиваться значительно больших результатов в своей борьбе. Сегодня экономическое развитие Англии и Германии сравнялось и мы видим, что и немецкий рабочий, в конце концов, превратился в «буржуазного избирателя». А что ему еще остается делать?

Более того, есть мнение современных исследователей буржуазного общества «что промышленный пролетариат существует только как продукт этой системы... Он не обладает достаточным потенциалом для формирования системы общественного и экономического устройства принципиально нового типа, поскольку не включен в эти принципиально новые отношения, не обладает знаниями, навыками и культурой участия в таких отношениях...»²⁹¹. Значит, пролетариат не является могильщиком капитализма. И тут Роза Люксембург вместе с Э. Бернштейном и А. Колгановым права. Конечно, сегодня так считают не только два последних исследователя, но многочисленные авторы научных работ, которых можно отнести к последователям неомарксизма, франкфуртской школы, еврокоммунизма и т.п. И действительно, сегодня численность рабочего класса в странах ОЭСР существенно сократилась, да и качественно он уже совсем не тот, что был в начале XX века. Однако, важно подчеркнуть, что одной из первых вслед за Э. Бернштейном на это обстоятельство обратила внимание Роза Люксембург в своей теории накопления капитала.

По мнению специалистов, за последние 20–30 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы, которые по большому счету некуда девать. Существует перенакопление капитала и тем самым капитализм если не подходит к своему концу, то, безусловно, переходит в какую-то иную стадию.

«Ошибки» или противоречия Розы Люксембург

Максим Горький как-то заметил, что все великие люди всегда страшно противоречивы. Противоречива и Роза Люксембург. Главное и основное ее противоречие состоит в приверженности к догматическому марксизму и каутскианскому учению о политической борьбе, что проявилось в ее статьях против Бернштейна, с одной стороны, и в ее теории

²⁹¹ Колганов А. Буржуа и пролетарии: теоретическая ошибка и историческая правота марксизма. // Альтернативы, 1999, № 3. С. 28.

автоматического краха капитализма, с другой стороны. Вот ее текст: «С точки зрения научного социализма историческая необходимость социалистического переворота выражается прежде всего в возрастающей анархии капиталистической системы, которая толкает капитализм в безвыходный тупик. Но если согласиться с Бернштейном, что капиталистическое развитие не находится на пути к собственной гибели, тогда социализм перестает быть объективно необходимым» (5, с. 23). Ведь если держаться теории Люксембург о перенакоплении капитала и автоматического краха капитализма, то социализм придет сам собой. За это ее и обвиняли критики. Так, Отто Бауэр писал в статье, посвященной разбору книги Розы Люксембург: «Капитализм разобьется не о механическую невозможность реализовать прибавочную стоимость. Он падет от восстания, на которое он толкает народные массы» (3, с. 357). Но Роза Люксембург нигде и никогда не отрицала роль и значение социалистической партии и ее борьбы за переустройство общества. Но, по ее мнению, одной партии мало, нужен и автоматический крах капитализма. Нужны объективные предпосылки неизбежности крушения капитализма. А социалистическая партия лишь культурно оформит это крушение. Сама Люксембург говорила на партийном съезде в Штутгарте в 1898 г.: «Мы будем играть роль стряпчего, ликвидирующего дела обанкротившегося общества» (1, с. 134). Очень любопытное высказывание. Ведь тогда получается, что никакой революции не надо. Капиталистическое общество само собой исчезает, а социалистическая партия, наблюдая за этим процессом и направляя его в нужную сторону, просто на этих развалинах все приводит в порядок. Если же держаться позиции Бернштейна, что капитализм в себе самом не содержит смертельного противоречия, то тогда нужна политическая партия, которая переделает капитализм в социализм. Тогда получается, что Бернштейн стоял за насильственное, пусть и медленное и постепенное, но принудительное свержение капитализма. Эволюционным (медленным) или революционным (быстрым) путем — это уже вопрос техники и темпов. Таким образом, Бернштейн был за насильственные действия, Роза Люксембург — за то, что капитализм сам рухнет, а социал-демократическая партия все это культурно оформит. Роза Люксембург была и за партию, и за автоматический крах. Она критиковала Бернштейна, но по сути дела была солидарна с ним. Это все интересно, но требует специального обсуждения. При этом нельзя упускать из виду то, что и Бернштейн и Люксембург были социал-демократы и состояли в одной и той же политической партии.

Итак, ошибки. Кто только не писал об ошибках Розы Люксембург. В нашей литературе традиция копаться в ошибках Люксембург идет, как водится, от Ленина. У нас все или почти все идет от Ленина или Сталина. Так, вот что писал Ленин по этому вопросу в 1922 г.: «Роза Люксембург ошибалась в вопросе независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года, рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок)». Но, добавляет далее Ленин «несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом»²⁹². Сейчас нет возможности разбирать в подробностях каждую претензию Ленина к Розе Люксембург. Поэтому скажем так: в половине претензий, если не больше, сегодня представляется, что ошибался Ленин, а не Роза Люксембург. Так, в тюремных записках о русской революции права была Роза Люксембург²⁹³, права она оказалась и в оценке меньшевизма, ее теория накопления капитала сегодня выглядит существенно менее спорной, чем 100 лет назад и т.д. Однако, легенда об ошибках Розы Люксембург прочно вошла в нашу литературу, стала как бы обязательным блюдом при анализе ее работ. Сказал тут свое слово и Сталин: «Парвус и Роза Люксембург... высказались против большевиков. При этом брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях»²⁹⁴. Для Сталина было главное — против, а раз против, значит не права.

В общем, Роза Люксембург была очень не удобна большевикам. Немецкий исследователь Й. Шютрумф пишет: «Розу Люксембург, еще в начале господства большевиков резко критиковавшую Маркса, надлежало заставить замолчать даже после смерти»²⁹⁵. Этот автор несколько увлекся, ибо Роза Люксембург действительно критиковала Маркса, но

²⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 421–422.

²⁹³ Современный исследователь М. Кораллов вообще считает ее «Рукопись о русской революции» — «высшим достижением немецко-русской марксистской критики начала XX в.». (Кораллов М. Возвращение и прощание. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). — М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 58.

²⁹⁴ Сталин И. Вопросы ленинизма. — М., 1947. С. 353–354.

²⁹⁵ Шютрумф Й. Между любовью и гневом: Роза Люксембург // Роза Люксембург: «...смело, уверено и улыбаясь — несмотря ни на что...». — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009. С. 44.

совсем не резко, а как раз в меру. Но по существу он прав. Действительно, в своей последней работе «Рукопись о русской революции» Роза Люксембург пишет такие вещи, что они никак не могли понравиться ни большевикам, ни советским идеологическим властям. Роза Люксембург отдает должное Ленину, Троцкому и их товарищам в том, что они проявили «мужество, решительность, революционную дальновидность и последовательность» в Октябрьском восстании, что «спасло русскую революцию» и «честь международного социализма». «Большевики были олицетворением революционной чести и способности к действию, которые утратила социал-демократия Запада» (5, с. 314). И вместе с тем, она считает, что «устранение демократии вообще», которое применили большевики «еще хуже, чем тот недуг, который она призвано излечить». Итак, — пишет Роза Люксембург, — Ленин и Троцкий решают вопрос «в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т.е. буржуазной диктатуры». И, пожалуй, самое главное в этом анализе. В конце этой работы Роза Люксембург пишет, что «проблема осуществления социализма» в России «могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально» (5, с. 324, 330, 333). Вот, с точки зрения сталинистов и вообще сторонников теории строительства социализма в отдельно взятой стране, это, конечно, была крупная ошибка Розы Люксембург. Ведь по сути дела она выступила против этой теории и с еще большей силой против соответствующей практики. Такой подход Люксембург полностью соответствует классическому марксизму, позиции меньшевиков, да и теории того же Троцкого. Не зря люксембургианство иногда называют «мягким троцкизмом». Любопытно, что когда впервые в Германии была опубликована эта работа Розы Люксембург, лидер меньшевиков Ю.О. Мартов, будучи уже в Берлине, в одном письме писал так: «Здесь — сенсация... Пауль Леви издал, наконец, антибольшевистскую брошюру Розы (писана в сентябре 1918 г.), которую коммунисты скрывали 3 года, и в которой она ругательски их ругает не только за Брестский мир, но и за разгон Учредительного Собрания. В постановке вопроса о диктатуре и демократии она почти буквально сходится с Каутским, так что впечатление от этой публикации колоссальное»²⁹⁶.

Наконец, специально рассмотрим политэкономическую «ошибку» Розы Люксембург, которую ей приписывали некоторые советские иссле-

²⁹⁶ Меньшевики в 1921–1922 гг. Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. — М.: РОССПЭН, 2002. С. 393.

дователи. Так, например, в небольшой книжке Е.И. Рузавиной «Роза Люксембург» изданной в серии «Из истории экономической мысли» в 1989 г., автор, относясь с искренней симпатией к своей героине, тем не менее, считает ошибочной трактовку Розой Люксембург соотношения обмена и производства. Прицепившись к фразе Розы Люксембург, что «обмен управляет обществом», автор делает вывод о «небрежении к главному постулату научной политической экономии — примату производства по отношению к сфере обращения»²⁹⁷. Но в данном случае Роза Люксембург абсолютно права, ибо в товарно-капиталистическом хозяйстве именно обмен управляет производством. Обмен, т.е. рынок решает что производить, как производить и сколько производить. От этого, конечно, примат производства никуда не исчезает, так как для обмена сначала нужно что-нибудь произвести. Сама же Роза Люксембург в другом месте пишет: «Чем точка зрения ближе к самому процессу производства, тем понимание ближе к истине. И чем больше исследователь подвигается к рынку обмена, к сфере полного господства конкуренции, тем более перевернутой вверх ногами оказывается видимая им картина общества» (1, с. 155). Просто эти вещи нужно рассматривать в разных плоскостях. Одно дело экономическая цепочка: производство — обмен — потребление. Другое дело — регулирование этого процесса в рыночной экономике осуществляется через обмен, закон стоимости. Поэтому данные возражения автора брошюры можно квалифицировать как придирку или плохое понимание марксистской политэкономии.

В этой связи любопытно другое. Оказывается в 1920-х годах крупнейшего советского политэконома того времени И.И. Рубина обвиняли примерно в тех же самых грехах. Рубин, анализируя теорию стоимости Маркса, писал, что «только обмен превращает «скрытый» общественный труд в действительный общественный труд»²⁹⁸. Иными словами, только пройдя через обмен труд, воплощенный в каком-либо продукте, становится нужным обществу, становится общественным. И в подтверждении своих слов ссылается не только на Маркса, но и на работы «известных марксистов». Первая ссылка идет на политэкономическую работу Люксембург и как раз на то место, которое стало предметом критики советского экономиста в 1989 г. Но обвинять Люксембург и Рубина в том, что они плохо знали политическую экономию, или плохо изучили марксизм просто смешно. Видимо, авторы, которые искали политэко-

²⁹⁷ Рузавина Е.И. Роза Люксембург. — М.: Экономика, 1989. С. 58.

²⁹⁸ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 261.

номические ошибки у Люксембург в 1989 г. и у Рубина в 1929 г. сами плохо разбирались в политической экономии или выполняли чей-то социальный заказ.

Место Розы Люксембург в мировой социальной мысли

Удивительное дело: Роза Люксембург как партийный деятель, революционер успела сделать не так уж много, но имя ее не сходит со страниц разной интеллектуальной литературы более ста лет. Литература, посвященная Карлу Либкнехту, ее товарищу и соратнику по созданию Коммунистической партии Германии и погибшему вместе с ней, во много раз тоньше и меньше. Хотя совсем иначе было в начале XX века. Л.Д. Троцкий в речи 18 января 1919 г., посвященной памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург, говорил: «Имя Розы Люксембург менее известно в других странах, да и у нас, в России. Но можно сказать с полной уверенностью, что это была фигура отнюдь не меньшая, чем Карл Либкнехт». И еще добавил очень емкую фразу: «Она поражала мужеством своей мысли»²⁹⁹. Вот эта «мужественность мысли» и сделала Люксембург не только революционером, но и великим мыслителем. И с течением времени это становится все ясней и очевидней. Сегодня имя Розы Люксембург во много раз более известно, чем имя Карла Либкнехта. Любая серьезная книга, посвященная европейской социальной мысли или социальным движениям содержит больший или меньший раздел о трудах и мыслях Розы Люксембург. В этой литературе еще недавно больший упор делался на роль Розы Люксембург в революционном движении, на ее защите революционного марксизма. Так, Э. Мандел писал в 1977 г., что «современный революционный марксизм в громадном долгу перед Розой Люксембург. Она была первым марксистом, кто поставил и приступил к решению главных проблем стратегии и тактики революционного пролетариата»³⁰⁰. Здесь Роза Люксембург прежде всего революционер. В последние десятилетия все больше появляется литературы, где отмечаются заслуги Люксембург в постановке и решении общегуманистических и социологических проблем. Например, К. Лаваль пишет, что Роза Люксембург «способствовала тому, что позднее получит свое развитие во «Франкфуртской школе», идеи которой как раз выражались в том, что вся совокупность условий человеческого существования подчиняется логике

²⁹⁹ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. С. 81.

³⁰⁰ Mandel E. Revolutionary Marxism and Social Reality in the 20th Century. — New Jersey: Humanities Press, 1994. P. 46.

товарооборота»³⁰¹. Думается, надо по иному посмотреть и на термин «люксембургизм». Этот красивый термин надо освободить от «марксистско-ленинского» уничижительного смысла и рассматривать под ним комплекс взглядов Розы Люксембург, ее учение об общественном развитии. Здесь Роза Люксембург предстает и как политэконом. Ведь сегодня Роза Люксембург — это, прежде всего социальный мыслитель мирового масштаба.

И в конце приведем лишь цитату Х. Арентд о Розе Люксембург: «Она прожила слишком мало, чтобы увидеть, как права она была...»³⁰². Пожалуй что, добавить к этим замечательным и точным словам более нечего.

Основные произведения Розы Люксембург

1. Люксембург Р. Избранные сочинения. Т. 1. Против реформизма. Ч. I. — М.—Л.: Московский рабочий, 1928.
2. Люксембург Р. Избранные сочинения. Т. 1. Против реформизма. Ч. II. — М.: Московский рабочий, 1930.
3. Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II. Изд. 4—е. — М.—Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931.
5. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. — М.: Соцэкгиз, 1960.
6. Люксембург Р. О социализме и русской революции. — М.: Политиздат, 1991.

ГЛАВА 8.

ИСААК РУБИН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ОВЕЩЕСТВЛЕНИЯ

1. Штрихи интеллектуальной биографии: стиль

Кто-то удачно сказал: человек — это прежде всего стиль. Действительно, чтобы понять человека, надо понять его стиль. Стиль ученого — это, прежде всего, стиль его книг и статей, его письменной речи, манера собирания материала и его подачи. Во всех этих смыслах Исаак Ильич Рубин, несомненно, обладал своеобразным стилем, который резко выделял его из массы марксистских теоретиков 1920-х гг. в России. На фоне боевых революционных деятелей Рубин отличался высокой диалектической культурой мысли, громадными знаниями, утонченным категориальным аппаратом, умением глубоко анализировать книжные

³⁰¹ Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неоллиберализма. — М., 2010. С. 373.

³⁰² Арентд Х. Люди в темные времена. — М., 2003. С. 67.

тексты и, видимо, пристрастием к такому занятию. Можно сказать, что Рубин в первую очередь был книжным интеллектуалом.

Исаак Ильич Рубин (1886–1937 гг.), выдающийся отечественный экономист-теоретик, работы которого, послужили предметом острых политэкономических дискуссий среди советских экономистов 1920-х гг. и оказали громадное влияние на последующее исследование методологических проблем советской политической экономии. К сожалению, критика Рубина в советский период была очень предвзятой и односторонней, что сказалось в недооценке его как крупнейшего советского политэконома. Обсуждая сегодня судьбу политической экономии как науки, думается, будет весьма полезно заново проанализировать вклад Рубина в развитие политической экономии в нашей стране.

Рубин родился в Двинске в состоятельной еврейской семье. В 1910 г. закончил юридический факультет Петербургского университета и некоторое время работал юристом. В 1904 г. стал социал-демократом, членом партии «Бунд» и в последующем принимал активное участие в деятельности меньшевиков. С 1919 г. преподавал политическую экономию в различных вузах Москвы, привлекался к переводу и комментированию сочинений К. Маркса, трудов западноевропейских экономистов. С начала 1920-х гг. стал одним из ведущих теоретиков политической экономии и истории экономических учений. После выхода в 1923 г. первого издания книги «Очерки по теории стоимости Маркса» стал непревзойденным авторитетом в области методологических проблем политической экономии. Однако, с 1921 г. Рубина в связи с его активной деятельностью как меньшевика периодически арестовывают, ссылают и так вплоть до расстрела в 1937 г.³⁰³ В связи с нарастающим репрессиям по отношению к Рубину усиливалась в научной печати и его критика, которая с начала 1930-х гг. переросла в политические обвинения. Тем не менее росло влияние работ Рубина, которое можно заметить и в политэкономических исследованиях советских экономистов даже в 1960-е и 1970-е гг. Итак, рассмотрим — что же такого сделал Рубин для отечественной политической экономии.

При первом подходе к Рубину поражает бесподобная его эрудиция. Видимо, он много читал, глубоко понимал прочитанное и хорошо запомнил нужное. Вот пример. Мы часто встречаем в разнообразных текстах французскую фразу: «Laissez faire et laissez passer». Но

³⁰³ Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г. Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть 1. Контroversы	
Глава 1. Дискуссионные вопросы политической экономии	7
1.1. Может ли политическая экономия исчезнуть?	7
1.2. Что изучает политическая экономия	15
1.3. О границах политической экономии.....	26
1.4. Политэкономия и Россия	34
Глава 2. Марксизм и вопросы политической экономии	50
2.1. Марксизм и советское общество.....	51
2.2. Стоимость, прибавочная стоимость и человеческий капитал	71
2.3. Капитализм, постиндустриализм и детерминизм	83
Глава 3. Возможна ли политэкономия социализма?	95
Глава 4. К вопросу о постклассической политической экономии	117
Часть 2. Проблемы	
Глава 5. Политическая экономия труда	127
5.1. К проблеме характера труда.....	127
5.2. Об энергетических измерителях труда	135
5.3. Отчужденный труд и стоимость	139
5.4. Социально-экономическая неоднородность труда.....	149
5.5. К проблеме модернизации трудовых отношений	155
Глава 6. Политическая экономия и проблема классов	174
6.1. К теории классового подхода.....	174
6.2. Классы современной России	182
6.3. Рабочий вопрос в России.....	190
6.4. Демократический потенциал классовой борьбы.....	209
Часть 3. Люди	
Глава 7. Роза Люксембург: конец политэкономии?	216
Глава 8. Исаак Рубин: политическая экономия овеществления	240
Глава 9. Евгений Преображенский: плановое начало вместо политэкономии	268
Глава 10. Давид Розенберг: догматизация политэкономии	293